

ПОДВИГИ НАШИХ ЗЕМЛЯКОВ

ВЛ. ВАСЬКОВ

Люди, о которых рассказывается в предлагаемых читателю очерках, — наши земляки, те, кому за «подвиг» в годы Великой Отечественной войны присвоено (при жизни или посмертно) звание Героя Советского Союза. По немногочисленным документам, по воспоминаниям друзей, родных и близких автор пытался воссоздать обстоятельства, при которых эти воины-ставропольцы проявила особенное мужество и самоотверженность, увидеть черты их характеров. Иногда в очерки вводятся и вымышленные персонажи (лейтенант Эйрих), но факты и места событий — подлинные.

ПРИМЕР ОФИЦЕРА

Бывалым солдатам всегда есть что рассказать. И если ветеран разговорился — сиди и слушай. Да мотай на ус, как в народе толкуют... Этому доброму совету с удовольствием последовали курсанты. И хотя усы у некоторых едва пробивались, интерес к рассказу от этого не притуплялся. Скорее, наоборот. А гость — седой, крепкий мужчина в пиджаке с боевыми орденами и медалями — вел речь неторопливо.

— Ну, что мне сказать вам, друзья? Учить мне вас особенно нечему. Вы — будущие офицеры. Я демобилизовался старшиной. Но войну-то почти всю прошел солдатом. Рядовым, стало быть. Так вот, я на собственном опыте убедился, что значит для солдата настоящий боевой командир... обстрелянный и решительный...

Как сейчас помню — в ночь с 4 на 5 июля сорок третьего года послали наш взвод в боевое охранение... А немец — вот он, рядом... Метров 40 до его позиций. Ну, за ночь мы капитально так окопались, приновились к новому месту. Утром, знаем, заварушка начнется. Лежу я в своем окопчике и думаю: как-то оно завтра будет?... И еще думаю: лишь бы фашист танки в дело не пустил. Честно говорю: боялся их танков здорово. Часть, где до этого я служил, они, проклятые, так проутюжили, что мало кто живым ушел... Я-то сюда, под Курск, как раз после госпиталя прибыл.

Чуть-чуть рассвет проклюнулся — и пошло... Перво-наперво артиллерией и самолетами нас обрабатывать стали... Ну, это штука, конечно, неприятная, но в воздухе, скажу я вам, у фрица той силы уже не было.

Не сорок первый год. В общем, наши самолеты их «юнкерсов» отогнали быстро... А минометчики вражеские не унимаются. Сделали это они нам прочес, и пехота в атаку двинулась. Да не одна, а с танками. Настроение у меня, прямо вам скажу, подыспортилось. И то ли на лице моем какая-то неуверенность выказалась, то ли просто так, к новому солдату присматривался, только взводный наш, Камалдинов, рядом оказался. А с ним ординарец его Мукурывый — он от командира ни на шаг... Лег, значит, младший лейтенант со мной рядом и спокойненько передает по ряду: «Без команды не стрелять, противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью приготовить». А враг прет. Против нашего взвода этак человек 150 фашистов и три танка. Ну, один, на минном поле подорвался — туда ему дорога. А два других ползут. «Пэтээрщики» наши лупят по ним старательно, да фриц тоже не дурак — увертывается, маневрирует. И вот метров 10 до наших окопов осталось. Ну, думаю, теперь отходить придется: что с этакой силищей поделаешь? Но младший лейтенант по-иному решил. Первым поднялся — гранаты в обеих руках — и к танку. Мукурывый — за ним. Я следом: известно — офицера в бою бросать самое последнее дело. Метнул наш взводный гранату — задымил танк. Прямое попадание. С одного разу это, я вам скажу, снайпером быть надо. А Мукурывый то же не отстал: еще один танк по редил. Смотрю — горит. И силу я в себе почувствовал. «Нет, — мысль, — тут нас не перемелешь, как раньше».

Автоматчики, конечно, тоже не дремали — косили гитлеровцев. По части

стрельбы наш взвод не на последнем месте был. В общем, отбили мы первую атаку. Ждем следующей. Господа-фашисты долго себя ждать не заставили. Лезут. Опять пехота. И четыре танка — на этот раз тяжелые.

— Ну, ребята,— говорит младший лейтенант, — теперь давайте прикинем, кто какой на себя возьмет. Я первый атакую... Мукурывый и ты (на меня показывает) следующие... И так далее.

Словом, и на этот раз справились. Я, между прочим, в этом бою сам танк подбил. Свой, первый в жизни. А потом Камалдинов, видя, что пехота окружить нас хочет, одно отделение на прорыв послал. И я с ребятами пошел. Дали фашистам чесу. А хлопцы, кто на позиции остался, со своими фрицами разделались. Лейтенант ранен был в ногу, а командовать продолжал. Очень его немцы живым взять хотели. Не тут-то было: в упор он их расстреливал. Вот так-то.

Откатился противник в конце концов. И, что удивительно, потеряли мы всего двоих из семнадцати. И двое раненых было.

Спрашиваю потом у ребят, где это наш командир так здорово отражению танковой атаки учился?

— А он,—отвечают,—всякие танки на своем веку повидал: и японские на Хасане, и финские на линии Маннергейма. А теперь вот с германскими управляется.

Потом, когда нас на отдых отвели, в газете дивизионной прочли, что в том бою уничтожили мы 170 фашистов и шесть танков. А через месяц с небольшим Фараху Гимдиевичу, командиру нашему, звание Героя Советского Союза присвоили. За личную храбрость и геройский подвиг, за верность чести офицерской.

Да вы лучше его самого к себе пригласите: он вам все с точки зрения военной науки объяснит. А адрес? Вот он, адрес: Карачаево-Черкесия, поселок Коста Хетагурова, капитану запаса Камалдинову.

ПЕРВАЯ НАГРАДА

В его служебной характеристике говорится: «За время пребывания в полку лейтенант Ляпота показал себя тактически грамотным, требовательным к себе и

подчиненным, смелым и решительным офицером».

Дрался он действительно умело: хладнокровно и дерзко. А вообще, Степан Константинович человеком был тихим. О своем участии в боях распространяться не любил. Может, потому, что характер имел застенчивый или, скорее, независимый, и начальству без нужды на глаза не лез, а может, и по другим каким причинам, но в свои 37 лет носил Ляпота лишь скромное лейтенантское звание и не заслужил ни одной медали, хотя на фронте — с первых дней войны, тяжелое ранение получил и снова вернулся в строй.

Однако в роте Ляпоты порядок всегда полный, солдаты подтянуты, дисциплинированны, находчивы.

...В тот день первой, как всегда, подала голос артиллерия. Бухали по хутору Канадский орудия, слали в него свою летучую смерть минометы. Орудия еще не смолкли, а Ляпота первым сиганул из окопа: «За мной, ребята!» Он не оглядывался. Знал, что сейчас, лишь на какую-то секунду позже него, рванутся в атаку бойцы... Так и есть. Уже гремит «ура!» Солдаты, обгоняя командира, закрывая его собой, устремились к вражеским позициям на окраине хутора. Гитлеровцы бежали, отстреливались на ходу из автоматов. Короткая рукопашная схватка — и бойцы уже в их траншеях, на самом хуторе.

Не простое дело атаковать врага. Но вдвое труднее держать захваченное с бою, пусть это самый небольшой клочок земли. Труднее потому, что рота поредела, потому что нервное возбуждение, непременно приходящее во время броска, сменяется усталостью и — чего там говорить — запоздалым страхом смерти, навстречу которой шел минуту назад...

Ляпота ждал контратаки. А она будет, дьявол ее возьми, непременно... Потому что его рота сейчас в этом хуторе словно кость в горле у немецкой обороны... Степан Константинович, пригибаясь, прошел по траншеям, связался со взводами, уточнил потери. По тону, каким говорил командир, по озабоченности его худого, бледного лица, по четкости движений, доведенных почти до автоматизма, люди поняли: нужно быть

начеку. И готовились без суеты, но споро, к тяжелой солдатской работе, которая для иных по беспощадным законам войны могла стать последней в жизни. Впрочем, о смерти — своей или чужой — перед боем еще опаснее думать, чем во время его. И бойцы гнали эти мысли...

...Где-то впереди, на другом конце хутора, заворчали моторы... Гул становился мощнее, отчетливее, и вот уже по расположению роты пролетела команда: «Приготовиться к отражению танковой атаки...»

...Их пять, фашистских «Т-4»... и две самоходки «фердинанд».

— Многовато на роту,— отметил лейтенант...— Видно, хотят раздавить за один заход.— Но в голосе его тревоги не прозвучало: просто требование. Просто приказ: «Гранаты — к бою».

Сам он взялся за противотанковое ружье... Разрывы гранат грохнули почти одновременно. Выстрел лейтенантского ПТР среди них — вроде щелчка при громе... Однако этот «щелчок», потом второй и решили судьбу двух вражеских танков. Они остановились. Дальше в ход снова пошли гранаты. А вот заелозила на подбитой гусенице и самоходка... Но пехотинцы в серо-зеленых шинелях успели сделать рывок... и вот он — ближний бой... Рукопашная... Ляпота, как двуручный меч, поднял над головой противотанковое ружье. Удивительно: он сейчас не чувствовал его тяжести... Земля, в которую уперся он широко расставленными ногами, будто вливалась силы. Сколько угробил он фашистских пехотинцев — не считал. Это сделали потом его бойцы... Сорок трупов... на месте, где начал схватку их командир.

...За героический подвиг и мужество, проявленные в борьбе с гитлеровскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР командир четвертой роты 1369-го полка 417-й стрелковой дивизии лейтенант Степан Константинович Ляпота удостоен посмертно звания Героя Советского Союза...

Украинец, он пал за освобождение украинской земли — наш земляк из степного ставропольского села Ипатова.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Полюшко-поле,
Полюшко, широко поле,
Едут по полю герои,
Эх, да Красной Армии герои!..

Где бы ни услышал Иван Иванович Лободин эту мелодию,— обязательно подтянет, а потом добавит: «Настоящая песня. Наша, кавалерийская». И скажет с такой гордостью, будто сам сочинил ее. Впрочем, люди, близко знавшие Ивана Ивановича, не удивлялись: все, что связано с Красной Армией, и особенно с кавалерией, подполковник Лободин по праву считал своим, кровным, родным.

18-ти лет начал военную биографию в годы гражданской войны крестьянский паренек из Саратовской губернии Ваня Лободин. Отваге и стойкости, солдатской верности долгу учили его Чапаев, Фурманов, Буденный. Об этих замечательных полководцах много и охотно рассказывал Иван Иванович и красноармейцам своей части, и рабочим ставропольских конезаводов, которыми он заведовал в последние годы накануне войны...

Люди тянулись к нему... Широкое открытое лицо, твердые волевые губы, короткие, но густые брови. Стриженные под ежик, чуть седеющие на висках волосы... Вроде все обычно, как у сотен других. И все-таки было в облике Лободина такое, что бодрило всех, кто общался с ним, вселяло уверенность. Невысокого роста, но крепко сложенный, он с изяществом кадровика носил военную форму. По праздникам привинчивал к парадной гимнастерке три ордена — два Боевого Красного Знамени и один — Трудового — Таджикской ССР.

Ну, а в конных состязаниях равных Ивану Ивановичу найти было трудно. Слившись с седлом, он лихо и точно рубал лозу, легко брал самые трудные барьеры...

На фронт Лободин ушел с первых дней войны...

Шел четвертый месяц Великой Отечественной. Кавалерийский полк, которым командовал Лободин, занимал оборону западнее села Копани, неподалеку от Ростова. На конников шли танки, мотоциклы и пехота. 70 бронированных

крепостей на гусеницах... Десятки пулеметов, установленных в мотоциклетных колясках... Сталь и моторы против людей и коней. Металл против плоти. Вооруженные до зубов, самоуверенные оккупанты, и готовые стоять до последнего защитники своей земли.

Шесть раз вздымались и откатывались назад волны вражеской атаки, оставляя на поле боя груды трупов... Семнадцать, теперь уже мертвых, танков дымилась в степи. И снова натиск вражьей силы, ослепленной бешенством, тупой и беспощадной в стремлении смести все, что встретится на пути.

Подполковник был на командном пункте. Гитлеровцы прорвались-таки сюда... Вот все ближе и ближе пехотинцы. Они уже не бравируют, не шагают в полный рост, как во время первой атаки... После короткой перебежки валятся наземь. Лободин понял: окружают... Живым не вырваться.

Летят в огонь полковые документы... Забаррикадивав дверь, командир поднялся на чердак. Выбил прикладом автомата слуховое окно... Так. Местность как на ладони... «Ну, погоди, сволочь! Легко меня не возьмешь!»

Косят фашистов короткие очереди из русского автомата. Вот он, дом, рядом! А попробуй подойди... Еще одна попытка. Около двадцати солдат бросаются к изрешеченному пулями домику на окраине... И тут же падают, сраженные насмерть.

Лободин слышит рокот мотора... Он нарастает... Танк... Не наш — их. Содрогнулась от выстрела башня... Видимо, недолет... Еще залп — откуда-то снизу метнулось пламя, побежало по стенам домика.

«Зажигательными хлещет, гад!» — подумал Лободин.

Огонь клокотал уже в комнате... Рухнули тлеющие балки...

Лободин почувствовал ожог... Собрался, напрягся, точно пружина, и ринулся из чердачного окна вниз...

Лободин, уже на земле, дал еще одну очередь. Последний диск был пуст. И тогда, выхватив из ножен саблю, пошел на немцев... Это было настолько жутко, что солдаты, державшие наизготовку свои

тяжелые «шмайсеры», в первые секунды даже не открыли пальбу... На них медленно, как привидение, шел невысокий человек в кубанке, раненый, обожженный, с лицом, перекошенным от боли. Шел молча, неотвратимо, словно само возмездие... А позади него грозным ореолом вздымалось пламя.

Такие люди, пройдя через смерть, оживают в легендах...

ПРАВОТА ГОСПОДИНА ЭЙРИХА

«Воюют не числом, а умением».
А. В. СУВОРОВ.

Майор с трудом сдерживал бешенство:

— Вы продолжаете настаивать на правильности данных вашей разведки?

— Так точно.

Лейтенант Эйрих отвечал четко, уверенно и немного запальчиво:

— По сведениям, полученным в нашей ночной вылазке, сюда, на этот берег Одера, переправилась буквально горсточка русских, не более полутора десятков человек...

— И эти 10—15 человек, — перебил майор, — отбросили к чертовой бабушке два взвода наших автоматчиков? Вы в своем уме, Эйрих? Ведь это Одер... Понимаете — Одер.

Эйрих так сжал кулаки, что швы на его покоробившихся от мороза перчатках лопнули. Розовый шрам на бледном лбу побагровел, светло-голубые глаза стали серыми от злости. Раздельно, тихо, боясь послать к дьяволу своего начальника, лейтенант процедил сквозь зубы:

— Я все понимаю, господин майор. Я прекрасно понимаю, что сейчас не мы на Волге, а русские на Одере... И тем не менее сведения, добытые моей разведгруппой, соответствуют действительности.

— Хорошо же! — вдруг почти миролюбиво заключил майор. — Дабы верность этих сведений не пришлось уточнять военнополовому суду, я предоставлю вам возможность проверить их еще раз. В бою... Очередной взвод в атаку поведете вы...

— Я не трус, господин майор...

— А я и не поручил бы эту операцию трусу, — устало произнес майор. И совсем

искренне добавил:— С богом!

Эйрих собрал то, что осталось от двух взводов после первой атаки. Укрепил фланги ручными пулеметами, отвел на вторую линию раненых. Когда автоматные очереди со стороны русских, укрепившихся на мизерном клочке земли (который и плацдармом-то назвать стыдно), стали доноситься реже, повел солдат в атаку. Он шел, не пригибаясь... Бежал, отчаянно крича что-то... Рядом падали солдаты, его солдаты. Но остальные, обезумев, опьянев от угара боя, рвались вперед. И тут произошло такое, что противоречило всем правилам тактики. Русские, не укрываясь от пуль атакующих, стремительным броском ринулись навстречу. Впереди, опережая других, бежал широкоплечий, с лицом простого крестьянского парня сержант...

«Сержант может командовать и взводом», — чисто профессионально отметил лейтенант.

Эйрих закусил губу: если бы с ним были его разведчики, те надежнее в рукопашной схватке.

Да, так и есть... Русские пустили в дело штыки, приклады. А его солдаты бегут... Бегут и падают под меткими очередями контратакующих. Эйрих отбросил в сторону «парабеллум», поднял автомат убитого и кинулся туда, в гущу свалки... На голову обрушилось что-то тяжелое... Лейтенант рухнул на землю почти у самых окопов русских...

Когда к Эйриху вернулось сознание, выстрелы слышались впереди. Очень близко, но впереди него. Лейтенант попробовал шевельнуть рукой. Больно... Значит, ранен. Но почему боль тупая и давит со всех сторон одновременно? Эйрих открыл глаза. В наспех открытых окопах залегли крепкие парни в полушубках. В русских полушубках. А в тонкую, хоть и утепленную, офицерскую шинель лейтенанта надежно и прочно врезались веревки...

Еще два раза поднимались русские в контратаку. Вряд ли они продвинулись вперед, но и назад не отступили. «Ни шагу назад!» — так, кажется, писалось в их листовках. А командовал солдатами действительно сержант... Эйрих смотрел, как он бьет из автомата... Так держать оружие может

только очень опытный стрелок... Впрочем, остальные не хуже...

Эйрих по привычке вслушивался в нечастые, но точные команды (не напрасно он долго практиковался в русском языке), считал, сколько их — солдат противника... Ну, так и есть. Девять. С убитыми — двенадцать...

«А наших только во второй атаке погибло около 30. Нет. Об этом кошмаре лучше не думать».

Позже в штабе советского соединения военнопленный Рихард Эйрих узнал, что тот самый плацдарм на Одере, где лейтенант ходил в атаку, удерживало лишь одно отделение русских автоматчиков, которым командовал сержант Михаил Колбаса.

«Все-таки я был прав», — подумал Эйрих, вспомнив о майоре.

Впрочем, военно-полевой суд больше не угрожал лейтенанту. Война для него кончилась этим февральским днем 1945 года.

А сержант Колбаса, в прошлом колхозник из села Нагутского, продолжал свой путь на запад.

